

УДК 341.231.14

Иохим А. Н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРАВА НЕ ДЛЯ ВСЕХ: ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются противоречия современного гуманитарного дискурса, концептуализирующего универсальный статус политических прав и свобод, а также связанную с ним универсальную идентичность человека в международно-политическом измерении. Применяя постструктуралистский подход к анализу политических практик, автор демонстрирует, что современный гуманизм, претендуя на универсалистский статус, тем не менее способствует конструированию сообществ «своих» и «чужих». Именно это противоречие, по мнению автора, позволяет использовать гуманитарный дискурс в практиках секьюритизации, а также легитимации насилия и чрезвычайных мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гуманитарный дискурс, права человека, идентичность, секьюритизация, чрезвычайное положение.

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Проблема «Другого» в гуманитарном универсализме](#)

[Гуманитарный дискурс как дискурс секьюритизации](#)

[Права человека на страже суверенитета](#)

[«Человек» vs. «Гражданин»](#)

[Заключение](#)

A. Iokhim

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

UNIVERSAL RIGHTS ARE NOT FOR ALL: PARADOX OF MODERN HUMANITARIAN DISCOURSE

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of contradictions of modern humanitarian discourse conceptualizing the universal status of political rights and freedoms,

as well as the associated universal human identity in the international political dimension. Applying the poststructuralist approach to the analysis of political practices, the author demonstrates that modern humanism, claiming the universalist status, nevertheless, contributes to the construction of communities of “friends” and “enemies”. It is this contradiction that allows the use of humanitarian discourse in securitization practices, as well as the legitimization of violence and emergency measures.

KEYWORDS

humanitarian discourse, human rights, identity, securitization, state of emergency.

ВВЕДЕНИЕ

Гуманитарное измерение международных отношений не ограничивается деятельностью ООН и других правительственных и неправительственных международных организаций. В западной научной и публицистической литературе широко распространён термин «гуманитаризм» (humanitarianism), призванный описывать всю сферу гуманитарной деятельности и связанных с ней понятий и в определённой степени совпадающий с содержанием гуманитарного дискурса на современном этапе развития международных отношений. Данный дискурс может быть определён как совокупность транслируемых в политическом языке и практике представлений о социально-политической идентичности человека, его правах и свободах.

После окончания Холодной войны гуманитаризм как средство легитимации чрезвычайных мер всё чаще стал использоваться политическими элитами в качестве оправдания военного вмешательства: Сомали, Босния, Ангола, Гаити, Косово, Мозамбик, Восточный Тимор, Серра-Леоне, ДРК, Либерия, Судан, Кот-д’Ивуар, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия. Таким образом, логика «чрезвычайных мер» реализует себя в том числе и в практике гуманитарных интервенций, что позволяет гуманитаризму утверждаться в форме властного дискурса, структурирующего принципы организации современного мирового порядка. Концепция «Обязанность защищать» (The Responsibility to Protect), разработанная в 2001 г., представленная в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета и принятая в виде инициативы ООН в 2005 г., с этой точки зрения демонстрирует гегемонистские претензии современного гуманитарного дискурса. Принцип «Обязанность защищать» протоколируется в качестве новой нормы международного права, рассматривающей государственный суверенитет как обязанность, а не привилегию государства. Эта норма означает, что, принимая на себя обязанность по защите своего населения, государство не-

сёт ответственность не только перед собственными гражданами, но и перед мировым сообществом¹.

По словам И. М. Тихонова, принцип «Обязанность защищать» фиксирует изменение базисных установок Устава ООН, интерпретирующих соотношение государственного суверенитета и прав человека: «Права и свободы человека выходят из внутренней компетенции государства и становятся объектом международного регулирования. Правовой статус личности, закрепленный в международных актах ... становится юридическим требованием, распространяющимся на все мировое сообщество» [14, с. 205].

Большинство реалистов и сторонников критической теории международных отношений считают, что гуманизм как способ легитимации использования вооружённых сил выступает негативным явлением. Реалисты, отстаивающие традиционное понимание безопасности, полагают, что вооружённые силы должны применяться только для обеспечения национальной безопасности [18], тогда как критические теоретики связывают гуманизм с легитимацией насилия как проявлением политики новой формы империализма [20; 27].

ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО» В ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСАЛИЗМЕ

Современный гуманитарный дискурс конституирует универсального человека как субъекта неотчуждаемых прав и свобод. Границы создаваемого дискурсом «человечества» совпадают с пределами человеческого общества как такового, и подобная универсализация устанавливает видимость тождественности человеческой идентичности предмету своего воплощения – человеку как таковому: нет более никаких людей, кроме тех «членов человеческой семьи», что «рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах»². Гуманитарный дискурс, утвердившийся после Второй мировой войны, воплощает собой, как определил Ю. Хабермас, «реалистическую утопию» прав человека [16, с. 34–35]. Тем самым гуманитарный дискурс выводит «человеческое» из области политического, ликвидируя само политическое как любую возможность инаковости.

Основной парадокс гуманитарного дискурса современности заключается в том, что если бы универсализация «человека», устранение любой возможности инаковости человеческой идентичности, была действительным фактом, то дискурс оказывался бы «парализован» в возможности конструировать социальные смыслы и функционировать без воспроизводства антагонизма и проблематизации идентичности «Других». Проблема отношений «Я»

¹ Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 года (принят резолюцией № 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16.09.2005) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 10.05.2019).

² Всеобщая декларация прав человека (принята и провозглашена резолюцией № 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10.12.1948) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.05.2019).

и «Другой» в политической теории, и теории международных отношений в частности, была актуализирована в рамках постмодернистской и постструктуралистской исследовательской парадигмы, которая восходит к идеям отечественного мыслителя и учёного, автора концепции диалогизма М. Бахтина. Он полагал, что субъект попросту не может продуцировать знание о себе и мире без вовлечения «Другого» [5; 6], который в политическом дискурсе может выступать в качестве «Чужого». Это обусловлено прежде всего тем, что все значения формируются в рамках дискурса и посредством дискурса, представляющего собой системы артикулированного сознания субъектов. Под диалогизмом М. Бахтина в данном случае может пониматься, по словам М. А. Волкодава, учение о дискурсе «как идеологическом материале и арене политической борьбы» [7, с. 10].

Артикулирование социально-политического антагонизма и конструирование «Другого» / «Чужого» являются условиями самовоспроизводства политического дискурса, в том числе гуманитарного. Возможно, поэтому универсальные права, несмотря на то, что они обретаются каждым человеком уже по факту своего рождения (т. е. в силу его физического существования), требуют постоянного уточнения в многочисленных документах, обоснования критериев оценки демократической «зрелости» тех или иных сообществ, обозначения угроз существованию конституируемого ими символического (политического) порядка. Следствием такой практики становится формирование условий для политики «двойных стандартов», легитимации гуманитарных интервенций, создания «своих» и вытеснения «чужих» сообществ за пределы изначально «универсального» человеческого общества.

Дж. Эдкинс пишет, что проблемы, заключающиеся в вопросах «Необходимо ли гуманитарное вмешательство?» и «Кто несёт за него ответственность?», всегда основываются на представлениях о нуждающихся в помощи как «Других». Более того, эти представления исходят из априорного разделения сообществ, где «мы» и «они» уже не составляют универсальную идентичность «человечество» [25, p. 255].

Такое формирование идентичностей в гуманитарном дискурсе создаёт иерархичную структуру, которая позволяет «защитникам» навязывать другим идентичность «жертвы», т. е. исключить их альтернативные репрезентации и «говорить» за них, а также вытеснять за пределы универсума идентичности всех «агрессоров», радикально отрицая идентичность этого Другого за счёт приписывания ему статуса Врага. А. С. Макарычев очень точно замечает, что если в качестве точки отсчёта для борьбы с терроризмом берётся всё «человечество», то «любое определение врага становится возможным не в рамках этого *человечества* (курсив автора – А. И.), а только за его пределами ... враг неизбежно приобретает антигуманные, если не нечеловеческие черты, что заведомо оправдывает самые жестокие действия против него» [11, с. 27].

Очевидно, что в такой структуре идентичность, артикулируемая как «истинно» универсальная, оказывается присвоенной определённым сообществом, выступающим в качестве её «защитников». Однако не присвоение как насильственный акт является причиной последующего возникновения политического противоречия: как отмечает Д. Кэмпбелл, наше онто-политическое представление о себе всегда «характеризуется проблематикой идентичности / различия, где каждое понятие обретает смысл через соотнесение с Другими» [22, р. 509], и представления об универсальности человеческих прав и свобод не являются в данном случае исключением. Из этого следует, что *универсальная человеческая идентичность может оказываться присвоенной (или присвоена изначально) отдельными сообществами* (мы можем называть их «западными демократиями», «цивилизованными сообществами» и т. п.) постольку, поскольку сама является результатом исключения инаковости.

ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС КАК ДИСКУРС СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Когда мы утверждаем, что гуманитарный дискурс направлен на легитимацию чрезвычайных мер, стоит задаться вопросом, кого в действительности должны защитить эти меры – человека как такового или определённую человеческую идентичность? С. Уотсон однозначно отвечает на этот вопрос: «общественная безопасность организована относительно концепта социентальной идентичности, в то время как государственная безопасность – относительно понятия суверенитета ... [г]уманитарная безопасность – включая человеческую безопасность как наиболее современную разновидность этой концепции – отличается от других указанных логик тем, что она организована относительно концепта человеческой жизни и достоинства» [29, р. 15]. Уотсон предлагает рассматривать гуманитарный дискурс как дискурс секьюритизации, где *референтным объектом выступают человеческая жизнь и достоинство* (т. е. человек как физический и социальный субъект), которые могут «оказаться под угрозой в самых разных обстоятельствах».

Дж. Эдкинс обнаруживает тесную связь гуманитаризма и современной политики милитаризма, предполагая, что гуманитаризм «глубоко вовлечен в воспроизводство суверенной политической власти, которая претендует на монополию легитимного применения насилия» [26, р. 34]. Гуманитаризм, по мнению Эдкинса, выступает сегодня важным и, возможно, единственным инструментом легитимации насилия и, как следствие, способом утверждения власти, в основе которой лежит концепция прав и свобод человека. Практики секьюритизации и фиксирование угроз человеческой безопасности являются требованием постоянного воспроизводства современного дискурса власти и подтверждения с их помощью её суверенитета.

К. МакАтир соглашается с Дж. Эдкинсом и отмечает, что гуманитарный дискурс всегда зависит от существующей концепции суверенитета, точно так же как и международное право зависит от государства, потому что именно государство должно брать на себя ответственность по его соблюдению. Следовательно, как полагает МакАтир, *государство и его суверенитет являются подлинным референтным субъектом гуманитарного дискурса*: «Речь идёт о суверенитете, который обслуживается в современных формах гуманитаризма. Доктрина «Обязанность защищать» отражает это наилучшим способом. Сама формулировка концепции идеально отражает этот тезис, поскольку она разъясняет необходимость выбора «жертвы» и то бремя, которое ложится на суверенное государство. Такая «ответственность» напрямую отсылает к «ответственному» (а, значит, «легитимному») суверенному государству, в то время как необходимость «защиты» подчеркивает политику идентичности в виде навязывания жертвенности «Другому» со стороны «Я», процесс создания инаковости, который является самой основой суверенной системы» [28].

Здесь следует задаться вопросом: если гуманитарный дискурс, структурирующийся вокруг концепта человеческой жизни и достоинства, исходит из интересов и природы суверенитета, какую функцию в данном случае выполняют практики секьюритизации? Анализируя контртеррористический дискурс 2000-х гг., А. Клосс Стивенс и Н. Воган-Уильямс отмечают, что любые военные действия против агрессоров, посягающих на права и достоинство человека, тщательно формулируются в современном дискурсе как ответ-реакция на угрозу, что автоматически легитимирует эти действия [23, р. 9]. В контексте гуманитарного дискурса это означает, что любая политика, направленная против Другого, необходимым образом должна быть артикулирована как «ответ» на исходящие угрозы, иначе возникает риск обнаружения её «событийной» сущности и понимания того, что гуманитарное вмешательство является целью, а не средством конкретного суверенного субъекта.

Копенгагенская школа понимает секьюритизацию как радикальную политизацию, т. е. как перенос проблемы из плоскости процедурной политики в плоскость чрезвычайных мер, требующую безотлагательных действий для решения данной проблемы. Многие исследователи также указывают на явную параллель между теорией секьюритизации и конституированием политического у К. Шмитта: обозначение угроз всегда сопровождается обнаружением «Врага», что является первым условием создания политической общности [24; 30]. В. Е. Морозов отмечает, что «[н]апоминая об экзистенциальных угрозах их ценностям, идентичности, благосостоянию, биологическому выживанию, практики безопасности заставляют граждан осознать принадлежность к суверенному государственному телу, необходимость принятия решения о том, что составляет их общее благо как членов данной нации» [13; с. 30]. Следовательно, сохранение основы идентичности является одной из ключевых задач практик безопасности. Принимая в расчёт этот тезис, мы мо-

жем в числе прочего лучше понять механизмы формирования политической и гуманитарной повестки и, в частности, объяснить, почему одни угрозы получают чрезвычайный статус, а другие остаются на «периферии» дискурса.

Чрезвычайная мера как конечный результат секьюритизации идентичности, будь то гуманитарная интервенция, миротворческая операция или принятие антитеррористического законодательства, является политическим решением со стороны доминирующего суверенного субъекта. Такая мера должна быть представлена релевантной аудитории как «объективно» необходимая для безопасности и выживания референтного объекта. Политическое решение о принятии чрезвычайной меры деполитизируется и становится нормой, т. е. переходит из демократической (согласовательной) политики в процедурную (административную). Подобным решением суверенный субъект постулирует своё право на насилие (военное вторжение, ущемление или ограничение прав, устранение «источника» угрозы и т. п.) как элемент повседневного менеджмента.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА СТРАЖЕ СУВЕРЕНИТЕТА

В «Политической теологии» К. Шмитт обосновывает сущностную связь между суверенитетом и чрезвычайным положением: «суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [17, с. 15]. Современный гуманитарный дискурс, отражённый в официальном законодательстве и политической риторике, не только подразумевает возможность введения чрезвычайного положения, ограничивающего и/или отменяющего действие всех или ряда прав и свобод человека, но и, как было сказано, способствует деполитизации суверенного насилия, делая его частью повседневной процедурной политики. Дж. Агамбен развивает этот тезис ещё более радикально, утверждая, что перманентное чрезвычайное положение является управленческой парадигмой всей современной демократии [2, с. 7–54].

Закрепление института чрезвычайного положения в правовых системах и прецедентных законах обнажает структурную дислокацию гуманитарного дискурса: права и свободы человека являются «универсальными и неотчуждаемыми» до того момента, пока они не будут ограничены или отчуждены решением о чрезвычайном положении. Это фундаментальное противоречие получает правовую реализацию уже в период Великой французской революции в 92-й статье Конституции 22-го фримера VIII г. (13 декабря 1799 г.), предусматривающей «[в] случае вооруженного восстания или волнения, угрожающих безопасности государства» приостановление «в определенном месте, на определенное время, действие конституции»³. 48-я статья одной из наи-

³ Конституция Французской Республики 22-го фримера VIII года (13 декабря 1799 года) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств в XVII–XIX вв. (Англия, США, Франция, Италия, Германия): сб. документов / под ред. П. Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 422–432.

более либеральных конституций своего времени – Веймарской конституции 1919 г. – наделяла президента возможностью «временно приостанавливать полностью или частично гарантии основных прав» в случае «серьезных нарушений» общественного порядка и безопасности, а также в случае угрозы таковых. Только в период с 1925 по 1929 гг. правительство Веймарской республики обращалось для введения чрезвычайного положения к 48-й статье более 250 раз, главным образом с целью заключения под стражу коммунистических деятелей и инициирования смертной казни [2, с. 28]. Приход нацистов к власти был осуществлён также в период действия чрезвычайного положения, предусмотренного 48-й статьёй, которое формально сохранялось на территории Третьего рейха вплоть до его крушения в 1945 г.

Либеральные правовые системы европейских стран, оформившиеся после окончания Второй мировой войны, перенимают норму о чрезвычайном положении. Ст. 16 Конституции Франции 1958 г. наделяет Президента Республики полномочиями «принимать все меры» в случае, если под угрозой оказываются «институты Республики, независимость нации, целостность её территории или исполнение ее международных обязательств»⁴. Весной 1961 г. Ш. де Голль прибёг к 16-й статье для урегулирования алжирского кризиса. Закон 1968 г. о поправках к Конституции ФРГ 1949 г. впервые предусматривает возможность введения «особого режима» не в целях сохранения общественной или государственной безопасности, а для защиты «основ демократического строя федерации»⁵. Итальянская Конституция 1947 г. лишает Правительство права издавать декреты, имеющие силу закона, в обход Палат, однако 77-я статья предусматривает «в случаях особой необходимости и срочности» возможность издания Правительством таких временных распоряжений, которые в срочном порядке должны быть утверждены Палатами⁶. 77-я статья стала важным элементом политико-управленческой практики в Италии главным образом в периоды политических кризисов, антитеррористических кампаний и других ситуаций «особой необходимости и срочности». В конце 1970-х – начале 1980-х гг. чрезвычайные меры предпринимаются итальянским правительством в ответ на террористические акты «Красных бригад»: известный «закон Моро» 1978 г., закон о «Срочных мерах по защите демократического порядка и общественной безопасности» 1979 г., «Закон против терроризма» 1980 г. [15, с. 110] и др. Чрезвычайные законы предусматривали не только обязательный арест всех подозреваемых в терроризме

⁴ Конституция Французской Республики от 1958 года // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1991. С. 665–682.

⁵ Основной закон Федеративной Республики Германии от 1949 года // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1991. С. 181–234.

⁶ Конституция Итальянской Республики от 1947 года // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1991. С. 423–450.

лиц, но и практику предварительного заключения как элемент профилактики безопасности и защиты общества.

Таким образом, европейское конституционное и антитеррористическое законодательство периода Холодной войны заложило нормативные основы для последующих механизмов секьюритизации «либерально-демократической» идентичности. Современная парадигма безопасности, получившая глобальное распространение после терактов 11 сентября 2001 г. в США, стала одним из ключевых элементов государственного управления и практики конструирования национальной идентичности. В свою очередь, «политика чрезвычайности» отражает ключевой парадокс сегодняшнего гуманизма, когда любая внешняя или внутренняя угроза правам и свободам человека может стать политическим аргументом для ограничения этих же прав и свобод. Если нормативная практика таких стран, как Франция, ФРГ, Россия, оговаривает вопрос о чрезвычайном положении в рамках конституций или отдельного конституционного закона, то в Великобритании, Швейцарии, США и ряде других государств данный вопрос не регламентирован напрямую, однако также является центральным политико-управленческим механизмом, который артикулирует гуманитарный дискурс безопасности.

Принятый 26 октября 2001 г. Сенатом США федеральный закон «Акт «Сплачивающий и укрепляющий Америку путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму»», известный как «Патриотический акт» (USA PATRIOT Act), предусматривал значительное ограничение гражданских свобод граждан США и других стран, а также расширение сферы деятельности силовых ведомств в целях борьбы с терроризмом⁷. Согласно «Патриотическому акту», американские спецслужбы получали право прослушивать телефонные разговоры, просматривать почту и электронную переписку всех, кто подозревался в терроризме, отслеживать передвижение иностранных граждан, изымать деловые документы частных компаний и медицинские документы граждан.

Кроме того, «Патриотический акт» наделял Администрацию президента США правом назначать прокуроров без согласования кандидатур с Сенатом, что значительно упрощало реализацию другого пункта, предусмотренного законом – заключения под стражу по решению генерального прокурора, министра юстиции (attorney general), любого иностранца, подозревающегося в деятельности, составляющей «угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов». Однако если «Патриотический акт» не позволял держать задержанного в заключении более семи дней без предъявления каких-либо обвинений, то президентский «Военный приказ» («Military Order») от 13 ноября 2001 г. уже предусматривал «задержание на неопределенный срок»

⁷ Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT Act), 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ56/html/PLAW-107publ56.htm> (дата обращения: 10.05.2019).

(“indefinite detention”). Как следует из содержания данного приказа, его нормы должны применяться ко всем «не гражданам» (non-citizen), которые «являются членами международной террористической организации “Аль-Каида”» или «помогают тем, кто совершает или подготавливает совершение международных террористических актов и других действий, направленных на причинение вреда Соединенным Штатам, американским гражданам, национальной безопасности, внешней политике или экономике»⁸. Приказ предусматривал создание «военных комиссий» (“military commissions”) – аналога военных трибуналов, по решению которых «не граждане» заключались в тюрьму на «неопределённый срок».

Специфика содержания «Патриотического акта» и военного приказа Буша заключается не только в том, что эти документы фиксируют ситуацию «чрезвычайного положения», но и в том, что они создают своего рода аномию дискурса прав человека. Агамбен отмечает, что военный приказ 2001 г. «упраздняет всякий правовой статус индивидуума, являя таким образом миру существо безымянное и не классифицируемое с юридической точки зрения» [2, с. 11]. Захваченные в плен афганские талибы, лица, помещённые по подозрению в терроризме в лагерь Гуантанамо и «секретные» тюрьмы ЦРУ в Европе, или иракские пленные, содержавшиеся в тюрьме Абу-Грейб, не имели никакого юридического статуса ни в качестве военнопленных, чьи права регламентируются Женевской конвенцией, ни в качестве иностранцев с соответствующими правами и ограничениями, прописанными в американском законодательстве. Официально именуемые как “detainees” («задержанные», «находящиеся под арестом»), эти лица оказываются полностью исключёнными из какой-либо системы правовых отношений, а их статус не может быть концептуализирован в пределах «универсальной» человеческой идентичности.

В своём исследовании политического дискурса войны с терроризмом профессор Калифорнийского университета в Беркли Дж. Батлер утверждает, что глобальная антитеррористическая кампания после 11 сентября 2001 г. переформулировала отношения человека и права [21]. Лицо в статусе “detainees” как «задержанное на неопределённый срок» оказывалось «неопределённым» не только во временном, но и в сущностном отношении, поскольку его жизнь становится объектом «чистого» проявления власти и властного насилия. Эта жизнь оказывается дегуманизированной, не представляющей никакой ценности для остального сообщества людей, а значит, «выпадающей» из универсума гуманитарного дискурса.

⁸ Presidential Military Order: Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War Against Terrorism // The White House Website. [13.11.2001]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/11/20011113-27.html> (дата обращения: 10.05.2019).

«ЧЕЛОВЕК» VS. «ГРАЖДАНИН»

Политическая реальность, в которой лагеря для беженцев и узники Гуантанамо могут сосуществовать с политикой защиты прав человека, выявляет двойственность современного гуманизма. Агамбен анализирует эту двойственность с позиции суверенной власти и формулирует её в парадоксе «суверенного исключения»: «Суверен в одно и то же время находится внутри и за пределами правовой системы» [1, с. 22]. Агамбен, по сути, принимает тезис Шмитта, что власть суверена основана на диалектике нормы и решения, а также вслед за Фуко рассматривает вопрос суверенной власти через призму биополитики, в результате чего современная власть оказывается биополитической в своей сущности, поскольку наделена полномочиями определять ценность человеческой жизни или «обесценивать» её: «она и защищает на основе закона, и отказывает в защите, обрекая на насилие и беззаконие и выталкивая в “зону неразличения” между правом и его отсутствием» [цит. по: 12, с. 46].

Агамбен вводит понятие “*homo sacer*” – человек, который сведён к «голой жизни», т. е. человек как таковой, лишённый всякой социально-политической идентичности, каким он мог бы предстать в до-общественном «естественном состоянии». По мысли Агамбена, как только человек лишается своей частной социально-политической идентичности «человека универсальных прав», он оказывается «дегуманизированным» и лишается возможности признания себя как человека. С. Жижек пишет: «Парадоксальным образом, я лишуюсь прав человека в тот самый момент, когда оказываюсь сведённым к человеку “в общем”, становясь, таким образом, идеальным носителем тех “всеобщих прав человека”, принадлежащих мне вне зависимости от пола, гражданства, религии, рода занятий, этнической принадлежности и т.п.» [8, с. 25–26]. Здесь обнаруживается радикальная неразрешимость гуманитарного дискурса: *прав человека не существует без суверенитета, с которым они связаны генетически, и, лишённому своей гражданской идентичности человеку должно быть отказано не только в «универсальных» правах, но и в любых притязаниях на то, чтобы считаться «человеком»*. Б. Г. Капустин в этой связи отмечает, что с точки зрения происхождения и практики не существует различия между гражданскими, политическими или социальными правами человека: «гражданство-как-статус выражает *клиентельную зависимость* (курсив автора – А. И.) от государства и никоим образом не связано со свободой как *самодетельностью*» [9, с. 80]. Э. Балибар также говорит о «переворачивании исторического и теоретического отношения между “человеком” и “гражданином”, в связи с чем возникает необходимость исследования того, как “человек создается гражданством”, а не наоборот – “гражданство создается человеком”» [19, р. 312–321].

Попытка осмысления этого вопроса в политической теории впервые была предпринята Х. Арндт. В главе «Упадок национального государства

и конец прав человека» своего фундаментального труда «Истоки тоталитаризма» она так описывает положение беженцев: «Идея прав человека, основанная на допущении существования человека как такового, рухнула в тот самый момент, когда те, кто исповедовал её, впервые столкнулись с людьми, которые действительно потеряли все другие качества и специфические отношения, за исключением того, что они все еще оставались людьми» [3, с. 400]. В полной мере аргумент Арендт подходит к положению приводимых в пример выше узников Гуантанамо и современных беженцев. В этом отношении показателен и тот факт, что современная правовая система трактует право человека на гражданство исключительно как его обязанность. Это выражается прежде всего в запрете добровольного отказа от гражданства, за исключением смены одного гражданства на другое. Так, если Всеобщая декларация прав человека 1948 г. однозначно трактует гражданство человека как его право, то Конвенция ООН о сокращении безгражданства 1961 г. и Европейская конвенция о гражданстве 1997 г. однозначно трактуют гражданство как обязанность. Конституция РФ и ст. 3 Федерального закона № 62-ФЗ «О гражданстве РФ» декларируют право граждан РФ на своё гражданство, однако ст. 20 этого же закона однозначно трактует его как обязанность, запрещая выход из гражданства РФ гражданам, «не имеющим иного гражданства или гарантий его приобретения». Таким образом, современный правовой дискурс отказывает человеку в праве добровольного отчуждения гражданства, и в общем – в праве отчуждения своей социально-политической идентичности.

К. Лефор, анализируя тезис Х. Арендт о тотальном несовпадении человека «как такового» и «человека универсальных прав», отмечает, что «реальны только права граждан, а права человека являются фикцией» [10, с. 73]. Он соглашается с Арендт по этому аспекту, однако идёт дальше и рассматривает права человека в контексте вопроса о пределах политического. Сфера политического – это неизбежная форма человеческого сосуществования, где индивидуумы устанавливают правила взаимодействия друг с другом, в том числе по вопросу их фундаментальных прав, поэтому, согласно Лефору, «вопреки всем ее порокам, демократия остается для тех, кто испытывает тоталитарное угнетение, единственной формой желанного общества, потому что она охраняет двойное понятие политической и индивидуальной свободы» [10, с. 231]. В своём тексте 1968 г. «Коллективная ответственность» Х. Арендт также соглашается с аргументом, что сосуществование людей друг с другом невозможно, если человек «не принадлежит к какой-либо общности» [4, с. 208], и, выходя из одной общности, т. е. теряя частную социально-политическую идентичность, человек вынужден «попадать» в другое сообщество и разделять с новыми согражданами ответственность за общие действия. Приведённые рассуждения о парадоксах прав человека обобщает С. Жижек, подчёркивая, что одной лишь констатации факта ложной идеологиза-

ции прав человека явно недостаточно: утверждение, что они «маскирую[т] и легитимирую[т] конкретную политику западного империализма, военных интервенций и неоколониализма», не отражает сущностной проблемы, поскольку, «[б]удучи вовсе не до-политическими, “всеобщие права человека” обозначают четкое пространство собственно политизации ... В тот самый момент, когда мы пытаемся помыслить политические права граждан без ссылки на всеобщие “мета-политические” права человека, мы теряем саму политику, то есть сводим её к “пост-политической” игре согласования частных интересов» [8, с. 28, 33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из приведённых рассуждений, можно заключить, что современный гуманитарный дискурс представляет собой, выражаясь словами Дж. Агамбена, «вписывание естественной жизни в политический порядок», в котором пространство «политического» определяет и пространство «человеческого». Человек гуманитарного дискурса является человеком политическим *par excellence*. Очевидное следствие этого тезиса заключается в том, что логика прав человека «работает» только в рамках политического сообщества, которое она конструирует, и исчезает вместе с ним. Гуманитарный дискурс, претендуя на универсалистский статус, тем не менее является инструментом формирования политических сообществ. Данный процесс непременно носит амбивалентный характер и связан с формированием сообществ «своих» и «чужих». Таким образом, заложенное в логику гуманитарного дискурса противоречие, как было продемонстрировано, открывает политические возможности для реализации практик секьюритизации, а также легитимации чрезвычайных мер и насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. *Homo sacer*. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
3. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова; послесл. Ю. Н. Давыдова; под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
4. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 352 с.
5. Бахтин М. М. [под маской В. Н. Волошинова]. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 193 с.
6. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 9–191.

7. Волкодав М. А. Применение политического дискурс-анализа в решении идеологических задач (на примере медиатизации политических текстов): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 191 с.
8. Жижек С. Против прав человека [Электронный ресурс]. [2010]. URL: <https://fmbooks.files.wordpress.com/2010/08/zizek-text.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).
9. Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 224 с. (Политическая теория).
10. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX веков). М.: РОССПЭН, 2000. 368 с.
11. Макарычев А. С. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4. С. 25–40.
12. Макарычев А. С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 22–52.
13. Морозов В. Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35.
14. Тихонов И. М. Актуальный вопрос международного права: концепция «Responsibility to Protect» // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2013. № 7. С. 203–210.
15. Федоров А. В. Супертерроризм: новый вызов нового века / под общ. ред. А. В. Фёдорова. М.: Права человека, 2002. 392 с.
16. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М.: Весь Мир, 2013. С. 13–40.
17. Шмитт К. Политическая теология: сборник / пер. с нем., сост., заключ. ст. А. Филиппова. М.: КАНОН-Пресс, 2000. 336 с.
18. Ayoub M. Humanitarian intervention and state sovereignty // *International Journal of Human Rights*. 2002. № 6 (1). P. 81–102.
19. Balibar E. Is a Philosophy of Human Civic Possible? New Reflection on Equaliberty // *South Atlantic Quarterly*. 2014. № 103. P. 312–321.
20. Bricmont J. Humanitarian Imperialism. New York: *Monthly Review*, 2006. 176 p.
21. Butler J. *Precarious Life: the Powers of Mourning and Violence*. New York: Verso, 2004. 170 p.
22. Campbell D. Why fight: humanitarianism, principles, and post-structuralism // *Millennium: Journal of International Studies*. 1998. № 27 (3). P. 497–521.
23. Closs Stephens A., Vaughan-Williams N. Introduction: London, time, terror // *Terrorism and the Politics of Response* / ed. A. Closs Stephens, N. Vaughan-Williams. Abingdon: Routledge, 2009. P. 1–17.
24. Dillon M. *Politics of Security: Towards a Political Philosophy of Continental Thought*. London, New York: Routledge, 1996. 254 p.
25. Edkins J. Humanitarianism, Humanity, Human // *Journal of Human Rights*. 2003. Vol. 2. № 2. P. 253–258.
26. Edkins J. *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 284 p.

27. Macrae J. The death of humanitarianism? An anatomy of the attack // *Disasters* 1998. № 22 (4). P. 309–317.
28. McAteer C. Finding the Human in Humanitarianism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.christophermcaateer.com/2013/04/08/finding-the-human-in-humanitarianism> (дата обращения: 10.05.2019).
29. Watson S. The «human» as referent object? Humanitarianism as securitization // *Security Dialogue*. 2011. № 42 (1). P. 3–20.
30. Williams M. C. Worlds, Images, Enemies: Securitization and International Politics // *International Studies Quarterly*. 2003. Vol. 47. № 4. P. 511–531.

REFERENCES

1. Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [The Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow, Europe Publ., 2011. 256 p.
2. Agamben G. *Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie* [The Homo sacer. A state of emergency]. Moscow, Europe Publ., 2011. 148 p.
3. Arendt H. The origins of totalitarianism (Russ. ed.: Borisova I. V., Kimeleva Yu. A., Kovaleva A. D., Mishkenene Yu. B., Sedova L. A., transl. *Istoki totalitarizma*. Moscow, TsentrKom Publ., 1996. 672 p.).
4. Arendt H. *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and judgment]. Moscow, Publishing House of Gaidar Institute Publ., 2013. 352 p.
5. Bakhtin M. M. [Under the mask of V. N. Voloshinova]. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Moscow, Labyrinth, 1993. 193 p.
6. Bakhtin M. M. [Author and hero in aesthetic activity]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Art Publ., 1986, pp. 9–191.
7. Volkodav M. A. *Primenenie politicheskogo diskurs-analiza v reshenii ideologicheskikh zadach (na primere mediatizatsii politicheskikh tekstov): dis. ... kand. filol. nauk* [Applying political discourse analysis in solving ideological problems (on the example of mediatization of political texts): PhD thesis in Philological sciences]. Krasnodar, 2007. 191 p.
8. Tišnek S. *Protiv prav cheloveka* [Against human rights], 2010. Available at: <https://fmbbooks.files.wordpress.com/2010/08/zizek-text.pdf> (accessed: 15.05.2019).
9. Kapustin B. G. *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and civil society]. Moscow, Publishing house of Higher school of Economics, 2011. 224 p.
10. Lefor K. *Politicheskie ocherki (XIX–XX vekov)* [Political essays (XIX–XX centuries)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 368 p.
11. Makarychev A. S. [Security and the return of the political: critical debates in Europe]. In: *Indeks bezopasnosti* [Safety index], 2008, vol. 14, no. 4, pp. 25–40.
12. Makarychev A. S. [The sovereignty, power and political subjectivity: two lines of critical theory]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 2010, vol. 6, no. 4, pp. 22–52.
13. Morozov V. E. [Security as a form of political: on securitization and politicization]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2011, no. 3, pp. 24–35.

14. Tikhonov I. M. [A topical issue of international law: the concept of "Responsibility to Protect"]. In: *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority research areas: from theory to practice], 2013, no. 7, pp. 203–210.
15. Fedorov A. V. *Superterrorism: novyi vyzov novogo veka* [Super-terrorism: a new challenge for a new century]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 2002. 392 p.
16. Habermas J. [The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights]. In: Habermas J. *Esse k konstitutsii Evropy* [The Essay to the Constitution of Europe]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2013, pp. 13–40.
17. Shmitt K. *Politicheskaya teologiya* [Political theology]. Moscow, KANON-Press Publ., 2000. 336 p.
18. Ayoub M. Humanitarian intervention and state sovereignty. In: *International Journal of Human Rights*, 2002, no. 6 (1), pp. 81–102.
19. Balibar E. Is a Philosophy of Human Civic Possible? New Reflection on Equaliberty. In: *South Atlantic Quarterly*, 2014, no. 103, pp. 312–321.
20. Bricmont J. Humanitarian Imperialism. New York, Monthly Review, 2006. 176 p.
21. Butler J. *Precarious Life: the Powers of Mourning and Violence*. New York, Verso, 2004. 170 p.
22. Campbell D. Why fight: humanitarianism, principles, and post-structuralism. In: *Millennium: Journal of International Studies*, 1998, no. 27 (3), pp. 497–521.
23. Closs Stephens A., Vaughan-Williams N. Introduction: London, time, terror. In: Closs Stephens A., Vaughan-Williams N., eds. *Terrorism and the Politics of Response*. Abingdon: Routledge, 2009, pp. 1–17.
24. Dillon M. *Politics of Security: Towards a Political Philosophy of Continental Thought*. London, New York, Routledge, 1996. 254 p.
25. Edkins J. Humanitarianism, Humanity, Human. In: *Journal of Human Rights*, 2003, vol. 2, no. 2, pp. 253–258.
26. Edkins J. *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 284 p.
27. Macrae J. The death of humanitarianism? An anatomy of the attack. In: *Disasters*, 1998, no. 22 (4), pp. 309–317.
28. McAteer C. Finding the Human in Humanitarianism. Available at: <http://www.christophermcateer.com/2013/04/08/finding-the-human-in-humanitarianism> (accessed: 10.05.2019).
29. Watson S. The «human» as referent object? Humanitarianism as securitization. In: *Security Dialogue*, 2011, no. 42 (1), pp. 3–20.
30. Williams M. C. Worlds, Images, Enemies: Securitization and International Politics. In: *International Studies Quarterly*, 2003, vol. 47, no. 4, pp. 511–531.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.07.2019

Статья размещена на сайте: 24.07.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иохим Андрей Николаевич – соискатель кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: andrey.iokhim@gmail.com

Andrey N. Iokhim – PhD applicant at the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: andrey.iokhim@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Иохим А. Н. Универсальные права не для всех: парадоксы современного гуманитарного дискурса // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Iokhim A. N. Universal rights are not for all: paradox of modern humanitarian discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2019, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru